

ЛАРА БАРОХ

A woman with dark hair styled in an updo, wearing a dark blue Victorian-style dress with intricate floral embroidery and a matching hat with a bow. She is sitting in a tufted, patterned armchair. The background shows a parlor with a bookshelf, a framed picture, and a desk with a vase of flowers.

МОСКОВСКАЯ
МИЛЛИОНЩИЦА
ХОЗЯЙКА СВОЕЙ СУДЬБЫ

Лара Барох

**Московская миллионщица.
Хозяйка своей судьбы**

«Автор»

2026

Барох Л.

Московская миллионщица. Хозяйка своей судьбы / Л. Барох —
«Автор», 2026

Москва 1879 год. Один из богатейших купцов белокаменной, миллионщик, из лучших побуждений решил выдать свою единственную дочь замуж. И все бы ничего, но папенька стал путать очевидные факты и положение людей в обществе. В один день мир юной барышни рухнул, когда над ней нависла неминуемая угроза мезальянса. Но все изменилось, когда в ней разыгралась купеческая кровь.

© Барох Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	9
Глава 4	12
Глава 5	14
Глава 6	16
Глава 7	18
Глава 8	21
Глава 9	23
Глава 10	25

Лара Барох

Московская миллионщица. Хозяйка своей судьбы

Глава 1

Первый взрослый удар судьбы юная Вера получила в семнадцать лет, когда папенька, возвратившись от дел купеческих, велел накрывать богатый стол по причине «самой лучшей сделки» в его жизни: заключении помолвки дочери и Владимира Всеволодовича Синицына.

Память, сколько бы Вера ее ни напрягала, наотрез отказывалась идентифицировать данное лицо среди всех знакомых ее отца. Синицын... Синицын...

Вера была на короткой ноге с представителями всех самых богатых династий Москвы. Морозовы, владельцы Тверской и Никольской мануфактуры; Холодовы, хозяева бумагопрядильных фабрик; Третьяковы: в их ведении льняная мануфактура и торговля полотном; Перловы и Боткины: торговля чаем; Мамонтовы: железные дороги; Бахрушинские: кожевенные и суконные заводы. Среди знакомых ее отца, Петра Сидоровича Арсеньева, купца первой гильдии, миллионщика, разбогатевшего благодаря звериному чутью и недюженной смекалке сначала на ювелирном деле, а впоследствии ставшего крупнейшим в Москве держателем домов, никаких Синицыных и в помине не было.

Оставалась надежда, что Синицыным окажется кто-то из новых богачей, внезапно поднявшихся на каком-то прибыльном деле. Но тогда о нем трубили бы все гости отца. А эту фамилию Вера слышала впервые.

— Папа, а кто это? — самолично помогая снять отцу пиджак, пустилась в расспросы Вера.

— Владимир Всеволодович — молодой, бойкий, подающий огромные надежды банкир! — с триумфом в голосе произнес отец.

Поляков, Рябушинский, Юнкер, Кунин... И опять среди знакомых фамилий не мелькнула незнакомая.

— Но каким банком он владеет?

— Он, моя дорогая, владеет Коммерческим банком, где твой папаша хранит все свои сбережения. Больше того, он самолично обрабатывает мои чеки. — Поиграв бровями, отец поднял указательный палец вверх, как бы придавая вес сказанному.

— Если я не ошибаюсь, Коммерческий банк входит в состав банковского дома «Юнкер и К^о»? Следовательно, принадлежит Ивану Васильевичу, с которым ты, папенька, давеча в карты играл и проиграл, кстати, кругленькую сумму.

— Это часть моего жизненного плана: проиграть, чтобы клиент расслабился, а потом оттяпать у того жирный кусок. — Отец после долгих мучений стянул сапог с ноги и облегченно выдохнул.

— Так ты с Юнкером по делам не пересекаешься, — продолжала настаивать дочь.

— А вот сейчас и пересекусь, как тебя замуж выдам! — победоносно припечатал отец и подначил: — Вижу, что извелась вся, не терпится с женихом познакомиться.

Вера пребывала в глубокой задумчивости.

Несмотря на юный возраст, она водила дружбу со всеми отпрысками богатых семейств. Ну не с дворничьими же детьми водиться? Званные ужины, балы, а до того выезды на дачи летом — все семьи стремились к себе подобным, таков уклад жизни.

Со слов отца выходило, что Синицын этот тоже вхож в их круг, но Вера сейчас совершенно точно знала, что это не так. И вывод напрашивался только один: у батюшки ум за разум зашел.

Это и был второй взрослый удар по юной Вере.

— А знаешь, сколько я за тобой приданого дам? — переодевшись в домашнюю простую рубаху и сражаясь с непокорными тапочками, что разворачивались от ног, заявил отец.

— Тысяч сто, хотя, может, даже двести серебром, — подыграла ему дочь, нагнувшись и помогая справиться с тапками.

— Миллион векселями! — торжественно и нараспев произнес отец.

«Точно головой ослаб», — подумала Вера. За правящую императрицу Марию Александровну, в девичестве Максимилиану Вильгельмину Августу Софию Марию Гессенскую и Прирейнскую, отвалили несколько десятков тысяч флоринов, а папа грозитя миллионом. Да таким приданым даже в столице мало кто похвастаться может.

— Но до полного гражданского совершеннолетия назначу тебе попечителя, Федора Никифоровича Плевако. Не обессудь, так велит закон.

До совершеннолетия, которое приходилось на 1883-й, Вере оставалось еще четыре года, но едва заслышав фамилию успешного московского адвоката и устроителя дел, она заметно повеселела. Про Плевако, а тот находился в самом расцвете карьеры, ходили легенды. Купцы боялись Федора Никифоровича как огня, если противная сторона нанимала его для ведения дел, потому что говорили: «Если Плевако зубами закусил, уже не оттащить».

Да и сама Вера несмотря на то, что выросла в одном из самых богатых семейств Москвы, никогда кисейной барышней не была. Рано потеряв мать, которая скончалась вторыми родами, Вера, единственный ребенок в семье, уже с двенадцати лет сама управляла домом. Слуги, закупки, званые ужины — все было под ее пристальным контролем, и никогда она не получала нареканий от отца за ведение хозяйства.

Своей любимой дочке он дал блестящее образование. Вера свободно говорила на французском и немецком языках, занималась музыкой, прекрасно танцевала, любила театр. Могла поддержать разговор на совершенно любую тему и слыла первой красавицей Москвы.

Нрав у Веры Арсеньевой был лихой. Не далее как прошлым летом в своей усадьбе Середниково, той самой, где полвека назад гостил со своей бабушкой юный Миша Лермонтов и где написал свои первые стихи, Вера приказала запрячь тройку лошадей.

Сама села управлять, чтобы доказать ехидным Савке Морозову и Любке Третьяковой свои умения. Она с трех лет с лошадьми и в седле, вначале был пони, а потом все по-взрослому. Да мстя боком вышла — кони понесли. Вера в кровь разорвала ладони, но удержала, не испугалась, устояла перед смертельной опасностью, еще и хохотала над побелевшими от ужаса и примолкшими Любкой и Савкой.

Что она с каким-то клерком не справится?

А ужин она устроит знатный. Владимир Всеволодович Синицын этот ужин на всю жизнь запомнит.

Глава 2

Оставив отца разбираться с бумагами, Вера проследовала на кухню и дала указания повару Герхарду Оцу, выписанному в свое время из Пруссии.

— Гер Оц, у нас сегодня намечается праздничный ужин. Прошу приготовить мозги и подать их в раковинах, поросенка жаренного с ливером и печенкой, пирожков разных, на ваше усмотрение, соусов и подливок большим числом, артишоки, фаршированные раками и телятиной, аморетки со спаржей с голландским соусом, гусиные потроха с соусом из чернослива, лососину в папильотках, непременно запеченного угря и так, по мелочи, сыров, колбас разных.

Вера выбрала блюда, поглощение которых требует немалого умения и сноровки. Например, лососину перед употреблением прямо за столом, в тарелке, следует отделить от бумаги, в которой запекались рулетики. Если Владимир Всеволодович не часто ею балуется, то изящно откусывать у него не получится, и он оконфузится. Что уж говорить про угря.

То же самое касалось раковин, артишоков, а уж правильно подобрать соусы к блюдам это отдельное искусство.

— Фройляйн Вера Петровна, все исполню, — отрапортовал повар и слегка кивнул.

Пруссаки не кланялись нашим, ну или конкретно этот, что, впрочем, ничуть его не портило, потому как дело свое он вел наилучшим образом.

После этого Вера направилась к буфетчику Иоганну — главному хранителю парадного стола. Он лично отвечал за столовое белье, фамильное серебро, хрусталь и фарфор. Именно Иоганн руководил процессом накрытия стола, следил за идеальной чистотой посуды, контролировал порядок подачи блюд и вин во время трапезы, а после пересчитывал ценные приборы.

Выдав Иоганну самые подробные инструкции, Вера потерла ладони. Загляни к ним на ужин сам император Александр Второй, не заметил бы разницы с царским столом. Впрочем, по слухам, придворные ужины проходят гораздо скромнее. Монархи с начала века стали собственным примером показывать умеренность в быту.

Разобравшись с делом под номером один, Вера приказала закладывать карету.

Ну, право, не могут же они втроем праздновать столь великое событие? Непременно нужны гости, и семья Ивана Васильевича Юнкера, как никто, подходит для приглашения. Это и было Вериним делом номер два на сегодня. Пригласить во что бы то ни стало владельца банка, в котором служит Владимир Всеволодович Синицын. За столом она осторожно начнет беседу, плавно подведет ее к положению «жениха» и откроет глаза папеньке на его истинное положение. А Иван Васильевич ей в этом поможет. Потом вместе посмеются.

Других звать не стоит вследствие щекотливой ситуации, чтобы не болтали языками направо и налево.

А на будущее, если уж родитель надумал ее выдать замуж, надо бы поразмышлять, кто ей более мил по душе. Жаль, что пора балов закончена, наступает лето, и все приличные семьи разъезжаются по летним квартирам, то есть своим имениям. Не удастся расспросить кого следует на животрепещущий вопрос. Придется дожидаться зиму.

Еще в карете Вера загнула визитку с правой стороны. На негласном визиточном шифре это означало, что она прибыла лично, а не просто отправила карточку со слугой. Знак высшего почтения. При входе в дом Вера положила карточку на протянутый слугой поднос, специально предназначенный для этих целей, и осталась ждать ответ.

Если хозяев «не окажется дома», даже если они есть, но не хотят принимать визитера, слуга сообщит об этом, а визитка останется на подносе в качестве материального следа визита.

Не прошло и десяти минут, как слуга вернулся с пустым подносом и пригласил Веру проследовать за ним. По-другому и быть не могло. Даже окажись дома одна супруга, Марта Вольфовна, она бы приняла Веру.

Карьера Ивана Васильевича Юнкера — он же Иоган Вильгельм, переплетчик, мастер по изготовлению футляров — была схожа с судьбой отца Веры. Оба сделали свое состояние сами, возможно, поэтому крепко дружили и много времени проводили вместе.

Николай Юнкер, средний сын, приятный во всех отношениях молодой человек — вот за него бы Вера пошла, да беда, возрастом он пятнадцати лет — перехватил гостью на входе.

— Вера Петровна, несказанно рады вас принимать. Матушка просила провести вас в синюю гостиную.

— Ой, Николаша, не до высоких речей мне сейчас. Скажу как есть: беда у меня приключилась. Просватал папенька меня, — стягивая на ходу перчатки, вывалила новость Вера.

Они с Николаем, несмотря на разницу в возрасте, любили и умели проказничать сообща. Один подначивает, другой исполняет. Но слово между ними верное и нерушимое. Независимо от того, какой оборот примет выходка, один другого никогда не сдавал.

— Уже? — погрузнел Николай, принимая у нее легкое пальто и передавая слуге.

Он прекрасно понимал, что замужество Веры поставит крест на их проделках.

— Не в том дело, что уже, главное — за кого! — Вера выдержала многозначительную паузу и добила: — За клерка в вашем банке!

Лицо Николаши красноречиво вытянулось. Несмотря на юный возраст, он уже года два как был привлечен отцом в семейные дела. До больших поручений было далеко. Иван Васильевич учил детей грамотно. Вначале те стояли в зале и принимали посетителей, распределяя их по разным кабинетам. Мальчики на побегушках. Затем их повышали, давая разрешение находится возле стола в момент оформления документов. И дальше — больше.

Николай сейчас как раз стажировался принимать векселя и различать поддельные от настоящих, поэтому прекрасно понимал, о каком статусе жениха идет речь.

Глава 3

Марта Вольфовна Юнкер, женщина дородная, с той основательностью, которую пруссаки впитывают с молоком матери, а затем бережно несут через всю жизнь, восседала в синей гостиной с вязанием в руках. Вязала она, впрочем, не носочки для бедных, а нечто монументальное, похожее на чехол для рояля, и Вера всякий раз терялась в догадках, что это за предмет и куда его потом определяют.

— Верочка, дитя мое! — Марта Вольфовна отложила свое рукоделие с видом человека, который только что спас мир от катастрофы, и распахнула объятия. — Николаша, вели принести нам чаю и тех печений, что с корицей, да прикрой двери поплотнее, сквозняки нынче в моде только у простуженных.

Николай, привыкший к роли курьера между матерью и кухней, испарился с быстротой, которой позавидовал бы любой банковский служащий при виде ревизора.

— Ну-с, рассказывайте, — Марта Вольфовна похлопала по дивану рядом с собой. — У вас лицо человека, который либо получил наследство, либо потерял рассудок. Учítывая, что вы в гостях у Юнкеров, а не у нотариуса, склоняюсь ко второму.

— Дорогая Марта Вольфовна, — Вера опустилаcь на диван с грацией утопающего, — папенька выдает меня замуж.

— Замечательно! — всплеснула руками немка. — Кто счастливец? Морозовы? Третьяковы? О, не томите!

— За Владимира Всеволодовича Синицына.

Повисла пауза. Марта Вольфовна заморгала со скоростью, с какой обычно моргают люди, пытаясь вспомнить, где они оставили очки, будучи в них.

— Синицына... — переспросила она. — А кто это?

— Он служит в вашем банке клерком, — поведала Вера упавшим голосом. — Ну, не совсем клерком. Он, кажется, что-то там обрабатывает — чеки или счета. Папенька решил, что раз Синицын «обрабатывает его чеки», то он чуть ли не владелец банкирского дома. А я, знаете ли, не имею ни малейшего желания выходить замуж за человека, чье главное достижение в жизни — правильное оформление бумажек.

Марта Вольфовна молчала. В тишине было слышно, как где-то в глубине дома служанка сражается с дверью и подносом одновременно.

— И что вы предлагаете? — наконец спросила она осторожно.

— Сегодня вечером у нас праздничный ужин. Папенька желает представить мне жениха. Я приглашаю вас и Ивана Васильевича. Вы придете, и за столом Иван Васильевич — совершенно случайно, разумеется, — упомянет, кем на самом деле служит Владимир Всеволодович. Папенька прозреет, я вздохну с облегчением, а вы получите удовольствие от превосходного ужина. Мой повар, между прочим, из Пруссии.

— Из Пруссии, — откликнулась Марта Вольфовна с уважением. — Это многое меняет.

— Так вы поможете?

— Дитя мое. — Немка взяла Веру за руки и посмотрела на нее с той смесью нежности и практичности, которая свойственна только прусским женщинам. — Я не просто помогу. Я лично прослежу, чтобы Иван сказал что нужно, в нужный момент и с нужной интонацией. Он у меня человек прямой, но иногда эта прямота бьет не туда. Я его отретепирую.

— Марта Вольфовна, вы ангел.

— Я пруссачка, дорогая. — Она поднялась с дивана с решимостью полководца. — А теперь бегите. Вам нужно готовиться к ужину, а мне подготовить мужа. Николаша!

Николай появился в дверях с выражением глубокой обреченности.

— Что, уже уходите? — спросил он, глядя на Веру.

— Уходит, — подтвердила мать. — И, судя по всему, ваши совместные шалости закончились, сынок. Если только...

— Если только? — Вера и Николай спросили это одновременно.

— Если только жених не окажется настолько безнадежен, что его придется выгнать со скандалом, — Марта Вольфовна улыбнулась с той зловещей мягкостью, от которой у Ивана Васильевича обычно портилось пищеварение. — А теперь ступайте, Верочка, и наденьте что-нибудь... убедительное.

Вера выпорхнула из дома Юнкеров буквально на крыльях.

Дома ее встретил запах жареного поросенка, смешанный с ароматом укропа и чего-то неуволимо французского, что Герхард Оц добавлял во все, включая, как подозревала Вера, собственный чай. Дом гудел, как улей перед роением. Слуги сновали по коридорам с такой скоростью, что, казалось, вот-вот начнут сталкиваться лбами и разлетаться в разные стороны.

— Гер Оц, — Вера заглянула на кухню, где повар священнодействовал над угрем с выражением лица, приличествующим хирургу во время операции. — Как продвигается?

— Фройляйн Вера Петровна, — пруссак обернулся, держа в одной руке нож, а в другой — пучок зелени, — я готовил для промышленников, трех архиепископов и одного сомнительного типа, который оказался шпионом, но этот ужин выше всех предыдущих. Вы уверены, что мы не принимаем канцлера?

— Возможно, мы принимаем человека, который возомнил себя канцлером, — загадочно ответила Вера.

Гер Оц понимающе кивнул и вернулся к угрю.

В буфетной Иоганн расставлял столовое серебро с тщательностью, достойной лучших домов Европы. Серебро сияло так, что в него можно было смотреться, как в зеркало. Вера провела ревизию: приборы на месте, хрусталь пересчитан, фарфор без единой трещинки.

— Иоганн, сегодня будем подавать по-русски, но с французской переменной блюд. Начинаем с закусок, затем первая смена блюд, затем...

— Фройляйн, я знаю порядок, — мягко остановил ее буфетчик. — Я служу у вас восемь лет.

— Простите, Иоганн. Я нервничаю.

— Это заметно, — согласился он с невозмутимостью человека, которого невозможно вывести из себя даже известием о конце света. — Но я бы советовал вам не нервничать, а пойти переодеться. Через два часа придут гости.

Вера взглянула на часы и ахнула. Время действительно летело с пугающей скоростью.

Поднимаясь в свою комнату, она прикидывала, что наденет. Гардероб Веры Арсеньевой мог бы стать предметом отдельного изучения в учебниках по истории моды. Платья из Парижа, шляпки из Вены, перчатки из Италии, обувь из Англии. Но сегодня ей нужно было не просто платье. Сегодня ей нужно было оружие.

Она выбрала темно-синий шелк с серебряной нитью — цвет ночного неба, мерцающий при каждом движении. Платье с глубоким, но благопристойным декольте, с рукавами, которые при каждом жесте струились, как вода. Оно было сшито в Париже по последней моде и стоило столько, что папенька, узнав цену, три дняпил валерьянку.

К платью — фамильные украшения: серьги с сапфирами, кольцо с бриллиантами, привезенное отцом из Амстердама, браслет с изумрудами, который Вера носила только по особым случаям. Сегодня был именно такой.

Горничная Дуняша, девушка с руками, которые могли справиться с любым корсетом, и языком, который мог поставить на место любого сплетника, помогла застегнуть крючки.

— Барышня, а правда, что жених у вас будет? — не удержалась она.

— Правда, Дуняша.

— А какой он?

— Пока не знаю. Но, судя по всему, обыкновенный.

— Обыкновенный? — Дуняша замерла расческой в руке. — За обыкновенного выходить не надо, барышня, их вокруг сколько угодно, а вы у нас одна.

Вера расхохоталась.

— Дуняша, ты мудрее половины московских адвокатов, но папенька пока об этом не знает.

Она взглянула на себя в зеркало. Оттуда смотрела молодая смелая женщина с блестящими глазами, прямыми плечами и выражением лица, которое ясно говорило: «Я готова к бою».

Вера спустилась вниз, где Иоганн уже расставлял последние приборы. Образцово накрытый стол поражал воображение. Свечи в канделябрах ждали своего часа. В воздухе витал запах воска, розовой воды и предвкушения победы.

— Где отец?

— В кабинете, — доложил лакей. — Заканчивает с бумагами.

Вера прошла в кабинет. Петр Сидорович сидел за столом, заваленным счетами и векселями, и выглядел на удивление довольным.

— Папенька, гости придут с минуты на минуту.

— Отлично, дочка, отлично. — Он поднял на нее глаза и присвистнул. — Ух ты! Сама мадам Помпадур бы позавидовала. Это ты для жениха так расстаралась?

— Для гостей, папенька. Юнкеры приедут.

— Юнкеры? — Брови отца поползли вверх. — Зачем?

— Как зачем? Ты сам говорил, что собираешься пересечься с Иваном Васильевичем по делам, вот и пересечешься. Заодно посмотришь, как твой будущий зять общается с хозяином банка, в котором служит.

Петр Сидорович хмыкнул.

— Хитра ты, Вера.

— Вся в вас, папенька.

Отец расхохотался. В этот момент в прихожей раздался звонок, возвещающий о прибытии первых гостей. Вера расправила плечи, поправила колье и направилась к дверям.

Она еще не знала, кем окажется Владимир Всеволодович Синицын. Но она точно знала, кем он не окажется, — ее мужем. А все остальное — дело техники, хитрости и одного ужина.

Глава 4

Обгоняя дворецкого, в парадную залу ввалился банкирский дом «Юнкер и К^о» в полном составе. Первой непобедимым флагманом шествовала Марта Вольфовна, блистая бриллиантами и превосходством. Подбородок гордо вскинут, глаза полны решимости, дайте что-нибудь поджечь, ну или на крайний случай кого-то втоптать в грязь.

Иван Васильевич следовал за дражайшей супругой след в след, но, в отличие от нее, вид имел задумчивый, насупленный, словно на чистовик обдумывал содержание делового договора.

Следом появился Александр Иванович, старший сын и будущий наследник двадцати одного года. Его уже звали по имени-отчеству, по причине оказанного доверия со стороны отца. Ему доверяли визировать сделки, подписывать векселя и заключать договоры.

«Приличный мужчина, жаль, что женат», — вздохнула Вера, протягивая руку для приветствия.

Последними появились Николая и Ниночка. Последней зимой исполнилось двенадцать лет, она была сравнительно поздним ребенком и не знала у отца отказа ни в чем. Чего не сказать про матушку, которая воспитывала ее в строгости.

Отец Веры ничуть не удивился их появлению, напротив, пригладив окладистую бороду, хитро прищурился:

— Вижу дошел и до тебя, Иван Васильевич слух, что теснит Петр Сидорович тебя на твоём же поле.

— Дошли, еще как дошли, голубчик, — несколько отрешенно покачал головой Юнкер-старший.

— Так вот, имею-с честь тебе первому объявить, что выдаю Верочку, — отец перевел взгляд полный любви и обожания на дочь, — за банкира! — торжественно закончил он.

— Это кто же тот банкир? Позволь полюбопытствовать? — пришла очередь Ивана Васильевича хитро прищуриться.

— А вот как придет, так и увидишь своими глазами. Человек он крайней порядочности и высочайших знаний, поверь, уж я-то разбираюсь в людях.

Ловко уйдя от ответа, он свернул на обсуждения планов, хвалясь тем, что уже в ближайшие выходные опробует новых крупных, в «серых в яблоках» орловских рысаков, купленных за немалые деньги. Совершит выезд в Середниково.

К слову сказать, эта порода лошадей безоговорочно считалась самой престижной, статусной и являлась символом роскоши в Москве.

Но Вере было не до обожаемых животных.

Послышался звонок, сердце лишь на миг замерло, и вскоре слуга проводил в гостиную совершенно невзрачного молодого человека. Тусклого настолько, что, повстречав его случайно в чайной, Вера бы и внимание не обратила. Плохо скроенный сюртук из дешевого темного сукна, в их доме дворецкого качественнее одевали. Владимир Всеволодович даже не удосужился надеть фрак, почти обязательный атрибут принадлежности к высшему обществу.

В одной руке он сжимал три белых розы, на языке цветов и этикета символизирующих чистоту и невинность. В другой коробку абрикосовского шоколада. А Вера предпочитала засахаренные фрукты. Не угодил.

Единственно, что ей импонировало, — это уверенность, с которой держался Сеницын. Его взгляд свободно прошелся по лицам всех присутствующих, он легонько поклонился, не подобострастно, а с достоинством каждому. Приложился к руке Марты Вольфовны, та подала ее практически отвернувшись, кинула, как перчатку перед дуэлью.

Веру Синицин одарил теплой, открытой улыбкой и вручил ей цветы. Знакомство состоялось.

— Дорогой мой Владимир Всеволодович, прошу, любезный, к столу. — Папенька рассыпался в теплых приветствиях, крепко обнял «жениха» и, не отпуская, потащил в столовую.

На лицах Юнкеров застыло недоумение. Старшие переглянулись между собой и едва заметно кивнули, тем самым подтверждая Верину правоту. Владимир Всеволодович оказался не кем иным, как наемным работником в их собственном банке. Однако!

За столом Петр Сидорович усадил Владимира Всеволодовича по правую руку от себя, а Вера присела по левую. Рядом с ней шумно опустилась Марта Вольфовна, не переставая сверлить уничижительным взглядом Синицына. Рядом с ней присел супруг и дети. На сторону клерка не переместился никто, в прямом и переносном смысле.

Хозяин велел подавать кушанья и первую рюмку сладкой вишневой наливки поднял за самую лучшую сделку в своей жизни.

Вера обратила внимание, что Владимир Всеволодович едва смочил губы, а пить не стал. И тут в ее голове созрел новый план. Вернее, она решила слегка оживить существующий.

— Владимир Всеволодович, вы никак брезгуете отведать знаменитую на всю Москву арсеньевскую наливочку? — Она похлопала ресницами. — Батюшка и я всю душу в нее вкладываем. Я, к примеру, своими руками отбираю лучшие плоды для нее, исключая попадание ягод с изъяном. Папенька настаивает ее по рецепту предков, уникальное действо. Поверьте, нигде во всей Москве вы такую не откушаете, прошу, распробуйте вкус как следует.

Владимиру Всеволодовичу не осталось ничего другого, кроме как опрокинуть рюмку и подтвердить исключительность напитка. Слуги тут же наполнили его рюмку до краев.

— Ну-с, Петр Сидорович, представь нам своего гостя честь по чести, — хмыкнул старший Юнкер под одобрительный кивок супруги.

— Пришло время, — потер руки хозяин дома. — Прошу любить и жаловать — Владимир Всеволодович Синицын. Банкир и жених моей Верочки, — поднял он вторую рюмку.

Глава 5

Довольным произведенным эффектом, папенька опрокинул наливку в рот, Владимир Всеволодович невозмутимо последовал его примеру, а банкирский дом замер, не донеся рюмки к губам. Взрослая часть капиталистов, естественно.

— А каким банком владеет уважаемый Владимир Всеволодович? — первой опомнилась и пошла в атаку фрау Юнкер.

— Московским коммерческим банком. Вот так-то! — победоносно произнес Петр Сидорович.

«Ну все! Сейчас ему Юнкеры откроют глаза на правду, и дело в шляпе», — расслабилась Вера, прикидывая, не позвать ли с собой на выходные Николая. Погоняли бы верхом на лошадях наперегонки, пугая деревенских, погуляли по лесу, замыслили бы и осуществили очередной розыгрыш папеньки.

Но радовалась она рано.

— Так ведь, любезный Петр Сидорович, Московским коммерческим банком моя семья владеет и уступать никому не собирается, — тихим голосом, с легкой усмешкой произнес Иван Васильевич.

— Не блефуй, чай не в карты играешь, — вспыхнул отец Веры, бросив вилку так, что, стукнувшись о фарфоровую тарелку, она отколола ее кружевной край.

«Совершенно новый английский сервиз! Нужно будет напомнить папеньке его цену, чтобы впредь кидал вилку прямо на паркетный пол, не нанося урона хозяйству», — думала Вера, глядя, как слуги меняют приборы.

Нрав у Петра Сидоровича временами был дикий, необузданный, совершенно не знавший ограничений. Но именно благодаря ему из скромной «трешки», купца третьей гильдии, он превратился в миллионщика.

Род Арсеньевых никогда богатством не славился: прожили они до тридцатых годов девятнадцатого века обычными серпуховскими мещанами, денег особых не накопили, но и долгов не наделали. В разное время были то мещанами, то совершенно мелкими купцами — лесоторговцами, с ними мало кто считался.

Однако, несмотря на семейный профиль, второго из своих детей, четырнадцатилетнего Ивана, Сидор Арсеньев отдал в обучение вовсе не к дровяникам, как тогда называли торговцев дровами, а к московскому купцу Матюшину, торговавшему изделиями из драгоценных камней в Старом Гостином Дворе на Ильинке. И вот тут в полной мере проявился характер будущего миллионщика. Ловкий, быстрый, сообразительный, обученный грамоте мальчишка схватывал все буквально на лету и уже через два года перешел в молодцы, затем в приказчики и наконец занял одну из высших в ювелирном деле ступенек: стал оценщиком. К тридцати годам Петр Сидорович скопил достаточно денег для открытия собственного дела. Сначала это был торговый лоток, а вскоре уже лавка в Гостином Дворе. А в 1857 году дело дошло и до первого собственного дома. Молодой купец, а для купца 40 лет это самое начало, был дьявольски расчетлив, непомерно смел и дерзок нравом.

Например, когда родители понравившейся ему девушки, Марии Ильиной, отказали ему в праве на ее сердце и руку, он просто взял и выкрал ее из пансиона. А затем еще раз послал к родителям сватов. И что было им делать? Пришлось благословлять брак, хотя жених, по их мнению, был никудышный, так, третьей гильдии. Совершенно не ровня им, но дабы спасти честь семейства, согласились на неравный брак. Знали бы они, во что эта «трешка» уже в самом скором времени выльется.

Судьба Арсеньеву потакала всегда, что вызывало отдельную зависть конкурентов и рождало противные слухи в Москве. Первый свой миллион он сделал уже в 1861 году, на волне

императорского указа об освобождении крестьян. Иван Григорьевич чутко уловил изменения и понял, что после того, как непрактичные и избалованные помещики останутся без барщины и оброка, они начнут искать средства к дальнейшему безбедному существованию, и других путей получить деньги, кроме продажи старых своих ценностей, у них не будет. Рассчитав все с ювелирной точностью, он самолично ездил с визитами к пребывающим в печали относительно невозможности продолжать прежний образ жизни помещикам. Не сказать чтобы те легко расставались со своим имуществом, но в итоге они соглашались с заезжим специалистом и отдавали фамильные ценности почти за бесценок.

А вырученные средства папаша вкладывал в московскую недвижимость.

Вера перевела взгляд на Владимира Всеволодовича Синицына. Тот невозмутимо отрезал крохотные кусочки колбасы и изящным движением отправлял их в рот. Ничего не выражало в его лице тревогу. Не будь Вера лично знакома с владельцами банка, ни за что не поверила бы в обман. Да что такое творится? Кто-нибудь остановите этот фарс!

Впервые юная Вера почувствовала, как земля уходит из-под ног. Все предельно ясно в открывшихся обстоятельствах, вот и сам Юнкер подтвердил истинное положение дел. Почему же папенька, столь дальновидный и цепкий в делах, не понимает, что стал жертвой обмана? Ну, право, не посылать же за полицейскими? С этими свяжешься — позора не оберешься. Разнесут по всей Москве непристойные сплетни хуже базарных баб. Но в таком случае, что же делать? Как образумить папеньку?

— Владимир Всеволодович, — осторожно начала Вера. — Может быть вы самолично внесете ясность в данный вопрос?

Вера выросла в обществе, где слово «честь» являлось не пустым звуком. Для каждого купца честь была превыше прибыли, бриллиантов и домов. Лицо, лишившееся ее, не могло рассчитывать ни на что. Его не принимали в успешных домах, ему не подавали руки, с ним не заключали контрактов. Единственное, что осталось, это смыть позор кровью — застрелиться, как, впрочем, многие и поступали.

— Все совершенно верно. — Пристально обведя взглядом присутствующих, не внес ясность, а окончательно смутил всех непонятностью ответа Владимир Всеволодович Синицын.

Глава 6

— Верочка, душа моя, что за ужин ты приказала устроить? — сражаясь с бумагой и раскидывая на ажурную скатерть лоснящуюся от жира лососину, впервые в жизни выразил недовольство ведением дома отец. — А этих слизней зачем приказала подать? Фу, гадость. — Он отодвинул от себя кусочки запеченного угря.

Слуги тут же поменяли приборы и поставили перед ним тарелку, наполненную ломтями жареного поросенка.

— Владимир Всеволодович, голубчик вы мой, должно быть, от радостной новости Верочка такую оплошность допустила. Девица все же, юный цветок, вы уж не обессудьте, любезный. — Отец совершенно искренне, по-доброму приносил извинения тому, кого, по мнению всех остальных присутствующих, следовало с позором выгнать.

— А мне по душе пришелся ужин, — кинулся на выручку подруге Николай. — Такому изысканному столу позавидуют даже французы.

— Да что эти лягушатники понимают? Привыкли собирать из-под ног улиток да в рот тащить, — брезгливо скривился Петр Сидорович.

Но отправив в рот шмоток поросенка, зажмурился от удовольствия, пережевывая нежнейшее мясо.

— Владимир Всеволодович, налегайте на пороса, он единственный достоин нашего с вами внимания за этим столом.

Весь план Веры по оконфуживанию жениха пошел прахом. Слуги, повинувшись велению хозяина, поменяли приборы и поставили перед главным действующим лицом этого вечера тарелку с сочным куском молочного поросенка.

Юнкера, напротив, не сдавали позиции и с неподдельным аппетитом поглощали изысканные кушанья. А Вере кусок в рот не лез. Мало того что ее мир рухнул, так еще и демонстративно, при гостях, папенька ее впервые в жизни незаслуженно отчитал за превосходно подготовленный ужин. Виной всему Вере виделась именно ее помолвка.

Владимир Всеволодович, возможно, человек и неплохого воспитания и нравов, но совсем ей не ровня. Ну как они вместе появятся в высшем обществе? Ее все знают, а кем станет представляться он? Мужем? Простите, но это моветон. Неужели он сам этого не понимает? Их не примут ни Боткины, ни Бахрушенские, да вообще все откажут от домов.

А какие сплетни поползут по Москве. Непременно сделают упор на порочности Веры. «Девица не честна, поэтому отец и согласился на мезальянс».

Что ей останется? Прозябать дома в четырех стенах? Катастрофа! Нет, пусть проиграно сражение, но не война. Вера только познакомилась с женихом, оценила его мотивы и скрытный характер. Видит Бог, она хотела решить вопрос малой кровью, семейным кругом. Но если Владимир Всеволодович настаивает, Верочка покажет себя во всей красе. Пусть лучше светское общество смеется над тем, как она жениха отваживала, нежели над ее незавидной судьбой. А желающих найдется уйма, в этом сомнений не было.

— А мы вот что, любезный Владимир Всеволодович, — между тем продолжал отец. — Поедьте с нами, со мной и Верочкой, в выходные в Средниково. Я, знаете ли, приобрел на прошлой неделе отменных орловских рысаков. Вот где нам накроют настоящий русский стол: карасей, тушеных в сметане, пироги с кислыми ягодами. Вы любите пироги?

— Се непременно-с. Настоящая еда русского человека! Сколько поколений наших предков на ней выросли и, заметьте, ничуть эта простая на первый взгляд еда не отразилась на их умственных способностях. Великие фамилии вскормили, не побоюсь того слова, пироги, — явно лебезя перед Петром Сидоровичем, поддакнул Синицын.

Как некрасиво это выглядело в глазах Веры. Неужели взрослый мужчина готов лицемерить ради денег? Не проще ли самому их заработать? Вот папенька же смог? Ну пусть Владимир Всеволодович не станет миллионщиком, вторая гильдия является не менее почетной. Тогда уже и можно сватов засылать к Верочке.

Хуже двурушничества Синицына открывалась перспектива провести с ним выходные в столь любимом Верой имении. Зачем папенька надумал тащить того за город? Откуда такая спешка? Вера наблюдала за отцом и все больше склонялась к мысли, что это он известной всем арсеньевской хваткой вцепился в клерка, а никак не наоборот. И это пугало ее ненормальностью положения, в очередной раз подтверждая очевидные проблемы с головой родителя.

Заступиться за Веру некому. Родители покойной матери вскоре после ее кончины отдалились, во всем обвинив Петра Сидоровича. Внучка перестала их посещать, когда устала слушать разговоры о его подлости и предательстве.

Дед с бабкой по отцовской линии давно в земле. Да и никогда прежде между отцом и дочерью не возникало препятствий. Вера любила отца, заменившего ей мать, всей душой. Восхищалась его упорством и никогда не пожелала бы себе другого родителя.

Петр Сидорович, в свою очередь, никогда не сюсюкал с ней, не скрывал своих действий и нарочито подробно передавал житейскую мудрость, объясняя причину своих поступков и решений.

К кому ей обращаться за помощью? Как действовать по закону в сложившейся ситуации? На ум пришел лишь известный адвокат Федор Никифорович Плевако.

Найдя решение своей проблемы, Вера выдохнула напряжение и остаток ужина, отрешившись от разговора за столом, который перешел в мирное русло и обсуждение досужих сплетен, продумывала разговор с юристом.

Они были представлены друг другу несколько лет назад. Федор Никифорович не часто, в силу своей занятости, но гостил в их доме. Пару раз он представлял интересы отца в щекотливых спорах, с тех пор в Москве знали, что за Арсеньевым стоит сам Плевако, и количество желающих оттяпать даже крошку от миллионного состояния сильно поуменилось.

Глава 7

Ужин закончился буднично, гости раскланялись и разъехались по домам. При этом удивляло Веру то, что каждый остался ровно с тем мнением, с каким и прибыл.

Уже лежа в кровати, Вера раз за разом прокручивала в голове события минувшего дня. Чересчур резко свалилось на ее голову взрослость. Она оказалась один на один с болезнью горячо любимого отца. Злиться на него вследствие этого не могла, напротив сожалела, что так несправедливо обошлась с ним судьба.

Помимо визита к адвокату, она наметила проехаться по нескольким профессорам медицины в Москве, чтобы быть готовой ко всему. Вера совершенно не представляла, что следует делать в таких обстоятельствах.

Из-за тяжелых раздумий сон ее вышел тревожным. Всплывали картинки из детства, вперемишку с угрями, что во сне преследовали Веру, зловеще извиваясь на земле.

На завтраке с родителем Вера цепко присматривалась к его поведению, прислушивалась к словам, но в результате не заметила ни единого отклонения в привычном образе действий. За столом, напротив нее, сидел обожаемый отец и как ни в чем ни бывало интересовался ее планами.

— Съезжу в Гостиный Двор, посмотрю на новую коллекцию нарядов. Заеду к кому-нибудь на чашку чая, разузнаю последние сплетни. А ты, батюшка, чем думаешь заняться?

— Я, Верочка, задумал построить убежище на четыреста человек, старых, дряхлых и таких, кои совестятся просить милостыню. Доброго поведения, всякого звания, которые по несчастью пришли в убожество и не в состоянии пропитаться своею работой.

— Папа, ты самый добрый человек во всей Российской империи! — Не усидев на месте, Вера обогнула стол и обняла отца.

Благотворительность в обществе не была делом исключительным. Скорее, исключительным считался человек, не уделяющий этому вопросу свое время и средства. Исключительным с негативным окрасом.

Но то, что задумал отец, потрясло воображение. Дом на четыреста человек, в котором те могли доживать свои дни, тянул на большие вложения сил и средств. И в очередной раз купец первой гильдии Петр Сидорович Арсеньев взялся за новый рекорд, поражающий все иные. Это не просто милостыню подать. Помимо строительства, впоследствии следует заниматься устройством жизни сирых и неимущих. Начиная с забот о пропитании, медицинском сопровождении и заканчивая похоронными хлопотами. Поистине величайшее дело замыслил отец.

После взаимных лобызаний, нежностей и благословений отец и дочь разошлись по своим делам.

Первым делом Вера направилась в Большой Афанасьевский переулок, в дом под номером 35. На первом этаже жилого особняка которого располагалась адвокатская контора Федора Никифоровича Плевако.

— Сударыня, по какому делу? — вежливо поинтересовался слуга-коридорный, встречая Веру у входа.

Она представилась полным именем, сказав, чьей дочерью является, и добавила, что Федор Никифорович назначен ее попечителем.

Коридорный одобрительно поклонился и провел ее в приемную, где ожидало десятка два людей. Поскольку знаменитый адвокат принимал всех без исключения, начиная от нищих и заканчивая, к примеру, отцом Веры, то публика собралась разношерстная. Какой-то старик в одежде прошлого века сидел на стуле, вместо одной ноги к его культе была приспособлена деревянная колодка-протез. Рядом с ним старуха, ему под стать, вытирала концами платка, повязанного на голову, слезы.

Привалившись к стене, стояла женщина, по виду мещанка, и крепко сжимала ладонь девчушки лет пяти, которая с интересом рассматривала Веру.

Такой порядок завел сам Федор Никифорович. Хочешь попасть на прием — будь добр отстоять в очереди. Впрочем, была альтернатива: обратиться к другому адвокату.

Осведомившись о крайнем в очереди, Вера терпеливо принялась ждать.

Примерно через час покинул кабинет очередной клиент, и коридорный пригласил ее войти, минуя очередь.

— Христос в помощь, Федор Никифорович, — поздоровалась при входе Вера и опустилась в любезно предложенное адвокатом кресло.

Хотя в свои тридцать семь Плевако уже был склонен к полноте и имел залысины, его взгляд неизменно был прикован к собеседнику. Во время визитов Вера всегда удивлялась такой концентрации внимания. При разговоре с ним создавалось впечатление, что весь мир с его заботами не существует, есть только ты и Федор Никифорович, для которого сейчас нет никого важнее тебя.

— Вера Петровна! Пришли просмотреть бумаги? — предположил адвокат.

— Нет, вам вся Москва доверяет, а я в юридической науке не сильна. Но мне жизненно необходим ваш совет как опытного адвоката в моем вопросе.

Затем подробно и честно Вера передала события вчерашнего дня, спросив в конце, как она может избежать неравного брака.

— Нечем мне вас порадовать, голубушка, — откинулся на спинку кресла Федор Никифорович и устало опустил плечи. — С тех пор как батюшка ваш обратился ко мне по вашему вопросу, я лично проверил все детали, чтобы не попасть впросак. Все именно так, как вы и излагаете. Владимир Всеволодович Синицын не является сколь бы то ни было значимой фигурой в финансовом мире. Он и сам это не стал скрывать при нашем с ним знакомстве. Но поделаться ничем невозможно. Отец является распорядителем вашей жизни, и его волю вы обязаны исполнить. Иного пути у вас нет.

— Но как насчет того, что разум батюшки помутился? Юнкеры подтвердят, я попрошу. — подалась вперед Вера.

— Вера Петровна! Отец ваш имеет законное право выбрать вам в мужа кого угодно по своему усмотрению. Доказать, что он не дееспособен, даже я не возьмусь, просто нет критериев определения недуга. Поверьте, я консультировался.

Адвокат пустился в пространные объяснения, как на то посмотрит церковь, как отреагирует общество, на чьей стороне в итоге окажется закон, а Вера его почти не слушала.

Сидя в кресле, она все отчетливее понимала, что ее судьба предрешена любимым родителем, и, скорее всего, это обстоятельство не изменить. Каждое слово, произнесенное адвокатом, уносило надежду, сбивало с ног и лишало Веру будущего.

— Могу лишь добавить, что буду кристально законно осуществлять возложенную на себя функцию, и вашему мужу не достанется ни единой полушки из денег, что выделил вам отец.

Закон Российской империи трактовал приданое однозначно: оно принадлежит женщине. Ни при каких обстоятельствах муж не может им распоряжаться, разве что по письменному ее согласию.

— Федор Никифорович, но батюшка располагает многомиллионным состоянием. Что, если найдется проходимец, который обманет его при подобных обстоятельствах?

Опасения Веры распространились на весь капитал отца. Точный его размер не знал и он сам. А как тут узнать, если, помимо денег, в его собственности более пятидесяти шести доходных домов и строений различного назначения. Сегодня их стоимость одна, а завтра другая. Кто возьмется посчитать?

— Я уговорил Петра Сидоровича за символическую плату перевести все свои дела под мой контроль. Но проблемы это не решит, если он надумает отписать кому-либо свое состояние или его часть. Повторюсь, он в своем праве.

Голова Веры шла кругом от услышанного. Сейчас ее собственная судьба казалась не столь пугающей по сравнению с горем, что в любой момент может обрушиться на голову отца. И Плевако не поможет.

Глава 8

Выходила Вера от адвоката другим человеком. Словно упавшим за борт круизного парохода, без намека на спасение. Все пассажиры наблюдают трагедию, но никто не поможет, нет таких сил во всем мире, чтобы изменить судьбу, ее и ее отца.

Она не поехала домой или еще куда-либо, просто не было сил принять решение. Вере следовало подумать, чтобы осмыслить услышанное и понять, как жить дальше. В сопровождении служанки Дуняши, а барышне, в силу устоев, царивших в обществе, невозможно было появляться на улице одной, она углубилась в небольшой сквер, живописно расположившийся неподалеку. В это время дня он был практически пуст, не считая пары мешанок, торопящихся по своим делам и намеренно срезающих дорогу по отсыпанным мелкой галькой тропинкам парка.

Погода стояла солнечная, но Вера пребывала в темноте своих тревожных мыслей.

Со стороны можно было подумать, что молодая, хорошо и со вкусом одетая барышня прогуливается в ожидании кого-то, задумчиво поглядывая себе под ноги. Но если бы кто смог на миг заглянуть в душу этой прехорошенькой барышни, он тотчас бы отпрянул от увиденного надрыва эмоций, что буквально разрывали Веру на части.

Бедный отец, как он справится? Впрочем, судя по всему, он не замечает страшных перемен, происходящих в его голове. Для него жизнь продолжается, и он уверен, что заключил одну из лучших сделок в своей жизни, найдя жениха для дочери. Горько усмехнувшись, Вера тяжело вздохнула. Он не услышал сказанное лично Юнкером при всех за столом. Боже, как это ужасно и непостижимо для нее.

Сейчас он становится практически беззащитен перед разного рода нечестными людьми. И первый, кажется, уже появился.

Безусловно, Вера сделает попытку, и не одну, чтобы достучаться до разума батюшки, но что-то ей подсказывало, что для него вопрос с ее замужеством закрыт.

Пусть так. Но ведь существуют определенный порядок, по которому между объявлением помолвки и собственно браком должно пройти время. И отнюдь это не пара месяцев. Благопристойным в обществе считается срок от года до двух. Чтобы родителям дать время подготовиться к торжеству, а молодым лучше узнать друг друга. Жаль, что это не четыре года, тогда Вера смогла бы сама распоряжаться своей судьбой, но и два года в ее положении немалый срок.

Батюшка проявляет большой пиетет перед Владимиром Всеволодовичем Синицыным, в его глазах он без сомнения выглядит значимой фигурой.

Вера попробовала самый прямой, простой, как ей казалось, способ разрешения от помолвки. Не вышло.

Помолвка! Существует же целый порядок ее объявления, внезапно вспомнила Вера. Невозможно пригласить желаемое лицо на ужин и объявить его будущим зятем.

Прежде всего составлялся финансовый контракт. Документ, в котором фиксировалась подробная опись имущества, переходящего к невесте. Этот контракт находится сейчас у адвоката. Пусть так.

А как же родительское благословение?

И потом самое главное: официальный бал в честь помолвки, на котором всем должны быть явлены молодые. И в церкви священник на протяжении трех воскресных служб должен оглашать прихожанам имена будущих супругов. Это делалось для того, чтобы все, кто располагал информацией о нерасторгнутом прошлом браке, близком родстве или финансовом обмане, могли сообщить об этом.

Всего этого не случилось, и батюшка даже не обмолвился об этом. Так, может...

Неожиданная надежда вспыхнула в сердце Веры. Все не так плохо, впереди масса времени, за которое она непременно найдет решение своей проблемы.

Остаток дней до отъезда в Середниково девушка с утроенным вниманием наблюдала за поведением отца и склонялась к мнению, что беда стороной прошла. Любимый родитель не поднимал щекотливой темы, и прежняя благодать вернулась в их семью.

Но в четверг отец напомнил:

— Дочь, ты собралась для поездки в имение? Не далее как завтра выезжаем. Я уже и Владимира Всеволодовича уведомил, ты уж в этот раз не оплошай.

И тут Вера решила:

— Папенька, давай присядем и поговорим, мы так и не обсудили с тобой эту помолвку, все наскоком, а ведь не по-людски это.

— Дождлся, — присаживаясь на изящный цветастый диванчик с изогнутыми ножками, не без довольства в голосе молвил отец.

— Папа, перескажи свое знакомство с Владимиром Всеволодовичем, — начала Вера издалека.

— О! Я хорошо запомнил тот день, — откинулся на спинку отец, погружаясь в воспоминания.

Морщина, пролегающая между бровями, тут же разгладилась, он мечтательно поднял глаза к потолку и поведал занимательную историю.

Обслуживал он свои капиталы в Коммерческом банке уже третий год. И всегда были нарекания. По мелочи: то вексель проведут не вечером, а утром, то деньги, что он заказал, припозднятся. На общее дело не влияет, но все эти заминки портили общее впечатление от банка, царапали сердце аккуратного в делах купца.

— В один момент накопился гнев во мне, и потребовал я к себе управляющего. Понятное дело, человек я не последний, поэтому просьбу мою тут же удовлетворили. Так и познакомились мы с Владимиром Всеволодовичем. А как нашли общий язык, так я и попросил его взять мой счет под личный контроль. Хватка у него мертвая, как у твоего отца. Понял он, что такого, как я, надо обхаживать, и взялся сам моими делами заниматься. Так вот с той поры сердце мое успокоилось, ни разу не было промашек в работе. Хозяином слова и дела он оказался. Не занимать ему порядочности, а какого ума человек... И стал я к нему приглядываться. При деньгах, высших качеств человек. А как узнал, что не женат, тут у меня в голове все и сложилось.

Глава 9

Вот, значит, когда прострел в голове у родителя случился, когда мыслями он помутился.

— Папенька, а тебя не смущает тот факт, что сам управляющий банком выступает в роли клерка? — поглаживая руку отца, продолжила Вера.

Самое тревожное сейчас — вызвать вспышку гнева родителя. Поэтому говорила она ласково и, словно котенок, терлась возле плеча родителя.

— Наоборот! Это с его стороны единственно верный шаг, — приобняв дочь, пустился в дальнейшие размышления родитель.

Он напомнил дочери, что в делах ни в коем мере нельзя полагаться на кого-либо. Обманут — и глазом моргнуть не успеешь. И это не было новостью для Веры. Именно этому учил ее отец с детства — все дела держать под личным неусыпным контролем.

Что же касается положения клерка, тут батюшка уверенно повторил, что человек он в Москве далеко не последний, с его миллионами его каждый готов обихаживать, этим и объясняется поведение Владимира Всеволодовича.

— Да посмотри хоть на Юнкеров, — подытожил отец. — Иван Васильевич ни одного сына без подготовки к делу не допускает, требует, чтобы те сами прошли все должности, начиная от мальчишек на посылках. И нередко те у него стоят в кассе или самолично векселя выписывают.

Все верно, у банкиров действительно существовал порядок продвижения по службе, даже для членов семьи. Очень вовремя при этом отец упомянул действительного владельца Коммерческого банка, и, набрав в грудь побольше воздуха, Вера решила:

— Иван Васильевич за столом твердо заявил, что банк никому не уступил, что его это банк. Как это, папенька? — невинно похлопав ресницами, Вера прижалась к груди отца.

— Игру он ведет, дочь, равно как в карты. Не открывает всех козырей, скрывает. Его понять можно. Разумный купец не станет на всех углах трепать языком о состоянии дел. А большие деньги, я тебе скажу, любят тишину. Сделки хранят в тайне, а сейчас и вовсе в моду входит не разглашать имена владельцев, если есть такая возможность.

Как ни задай вопрос, на все у папеньки имелся вполне разумный ответ. Как такое возможно, что Вера никак не может доказать отцу очевидные вещи?

Она билась еще час, настроение отца оставалось приподнято-благодушным, и разговор получился добрым, семейным и теплым. Родитель с охотой делился с дочерью сведениями, на какие приемы идут купцы ради получения прибыли. Хвалился собственными примерами. Хороший диалог получился, только вот он ни на шаг не приблизил Веру к желанной цели.

Когда аргументы закончились, Вера ушла в свои покои собираться к отъезду. Переезд на лето в усадьбу подразумевал большие хлопоты. В Середниково свозили половину городского дома, начиная с тончайшего постельного белья и пуховых подушек и заканчивая фарфоровыми сервизами. А осенью добро вместе с хозяевами возвращалось в Москву. Такой порядок существовал не только в семье Арсеньевых. Все, кто имел загородные имения, следовали единому правилу.

Сейчас они с отцом ехали просто проветриться, испытать новых рысаков, поэтому сборы вышли короткими. Всего несколько чемоданов платьев, шляпок, туфель и еще мелочь, типа пары сервизов на сто персон. Неловко гостя, хоть он и не принадлежит их кругу, потчевать из простой посуды. Что он о них подумает?

До середины дня пятницы Вера как раз управилась, приказала расположить добро чинно, чтобы не повредить на ухабах, да и отправила его в Середниково. Сами-то они быстро домчатся, а вот с ценным имуществом телеги медленнее поедут.

После обеда отец распорядился готовить карету, затем они с Верой погрузились, раздав указание прислуге, оставшейся в доме, и направились к Коммерческому банку.

Папенька и здесь выразил особое отношение к Владимиру Всеволодовичу. Едва карета остановилась, он выпрыгнул из нее и помчался самолично встречать дорогого гостя. В очередной раз показывая свою заинтересованность в нем.

Вернулись спустя короткое время. Вера при виде Синицина отчаянно захотела попроситься управлять лошадьми, но папеньку не следовало оставлять наедине с гостем. Одно дело, когда они в банке обсуждают деловые вопросы, и совсем другое — личные разговоры. Как бы чего не вышло, учитывая состояние батюшки.

— Мое почтение, Вера Петровна! — приложился к ручке Владимир Всеволодович.

И путешествие началось. Петр Сидорович всю дорогу в буквальном смысле развлекал молодых сплетнями из мира денег и историями, приключившимися с его знакомыми. Поведал, без подробностей, историю становления своего капитала, как сватался к невесте, да получил отказ.

Синицын сидел напротив Веры и со всем вниманием выслушивал ее отца. При этом вел себя не подобострастно, не заискивал, а держался как с равным по положению.

Вовремя вставлял уместные высказывания, открыто потешался над историями. Без всякого зажима. У Веры на такое глаз наметан. И к концу поездки она уже не знала, что и думать. Папа ее в людях не ошибался. А Юнкера... Может, они действительно затеяли двойную игру, Вера же не имеет опыта ведения дел. Откуда ей знать?

Между тем удалось разглядеть Владимира Всеволодовича в полной красе. Несмотря на, прямо скажем, скромную одежду, не подобающую их кругу, вид он имел весьма недурственный.

Высокий лоб, аккуратная стрижка, густые брови и темные глаза. Чисто выбритое лицо, гладкая кожа без единого изъяна сияла белизной. Приятная, располагающая наружность.

Длинные пальцы заканчивались аккуратными ногтями, совершенно чистыми при этом.

В плечах Владимир Всеволодович был самую чуточку широковат, при этом тело, насколько могла судить Вера, имел поджарое, без намека на живот. Ботинки, от Веры и этот момент не укрылся, имели безукоризненно чистый вид, словно он на руках до кареты дошел.

А подробности Вера решила уточнить на прогулке. Завтра она прикажет оседлать лошадей и прокатится с Синицыным по знакомым с детства местам. Там и поговорит.

Из всего увиденного Вера сделала вывод, что Синицын щепетильно относится к своей внешности, одежда, хоть и простого качества, но без единого залома или складки, вид имела опрятный. Что много говорило о характере Владимира Всеволодовича.

Глава 10

Утро в Середниково встретило Веру пением птиц, запахом свежей молодой травы и легким чувством тревоги, которое, впрочем, она привыкла прятать за маской светской невозмутимости. После завтрака, прошедшего в обществе отца и Владимира Всеволодовича, Вера объявила, что намерена совершить верховую прогулку вокруг имения и почла бы за честь, если бы жених составил ей компанию. Петр Сидорович, услышав сие, расплылся в улыбке столь широкой, что, казалось, еще немного — и пустится в пляс.

— Вот и славно! — воскликнул он, хлопнув ладонью по столу так, что чашка с кофе подпрыгнула, а лакей, стоявший у буфета, вздрогнул. — Молодежь, свежий воздух, резвые лошади! Вера, покажи Владимиру Всеволодовичу наши замечательные места. Тут, знаете ли, сам Миша Лермонтов гулял! Может, и на вас поэзия снизойдет. Стихи там, романсы... Ну, вы поняли.

Вера мысленно возвела очи горе, но вслух лишь вежливо улыбнулась. Владимир Всеволодович, напротив, выказал живейшую заинтересованность:

— С превеликим удовольствием, Вера Петровна. Признаться, я давно не сидел в седле. Надеюсь, не опозорюсь перед столь опытной наездницей.

— Уверена, вы справитесь, — отозвалась Вера, окинув его оценивающим взглядом.

Через полчаса они уже ехали по широкой аллее, окаймленной вековыми липами. Вера, восседавшая на прекрасном орловском рысак по кличке Султан, чувствовала себя в своей стихии. Владимир Всеволодович, которому достался вполне приличный вороной мерин по имени Цезарь, держался в седле на удивление уверенно. Вера, искоса наблюдая за ним, отметила про себя, что либо он скромничал, либо обладал природной грацией, которая позволяла ему выглядеть достойно даже в непривычной обстановке. Легкий ветерок трепал его темные волосы, на щеках играл румянец, и он, казалось, искренне наслаждался прогулкой.

— Признаться, Вера Петровна, — начал Владимир Всеволодович, когда они миновали пруд только покрывающийся молодой зеленью и углубились в березовую рощу, — я до сих пор не могу до конца поверить в происходящее. Еще месяц назад я вел размеренную жизнь клерка, а ныне — гошу в имении, одного из самых значимых семейств, и собираюсь жениться на первой красавице Москвы. Судьба, знаете ли, дама с весьма своеобразным чувством юмора.

Вера чуть натянула поводья, и Султан, почувствовав настроение хозяйки, перешел на шаг.

— Вот как? А я, признаться, полагала, что вы инициатор сей... сделки. Батюшка мой человек решительный, но обычно он хотя бы ставит в известность заинтересованные стороны.

Владимир Всеволодович бросил на нее быстрый взгляд. В нем не было ни лукавства, ни притворства — лишь усталая честность человека, которого загнали в угол.

— Вера Петровна, позвольте мне объясниться. — Он выпрямился в седле и посмотрел ей прямо в глаза. — Ваш батюшка, Петр Сидорович, — человек, которого я глубоко уважаю. Он умен, решителен и... — Владимир Всеволодович на мгновение запнулся, подыскивая слово, — ...обладает даром убеждения, которому трудно противостоять.

Вера усмехнулась.

— Вы хотите сказать, что он попросту поставил вас в безвыходную ситуацию?

— Не стану отрицать, — с обезоруживающей прямоотой ответил Сеницын. — Когда Петр Сидорович изволил сообщить мне о своем намерении выдать за меня замуж свою дочь, я, признаться, растерялся. Я пытался возражать — деликатно, разумеется. Упоминал свое скромное положение, отсутствие состояния, несоответствие кругу. Но ваш батюшка... Он выслушал меня с большим вниманием, а затем сказал: «Владимир Всеволодович, я не привык получать отказы. Особенно когда дело касается счастья моей дочери». И знаете, в тот момент я понял,

что дальнейшие препирательства — это путь к катастрофе. Меня бы попросту... — он сделал паузу, — ...уволители. Из банка, из Москвы, из жизни, в конце концов. Петр Сидорович умеет быть убедительным.

Вера слушала, и в душе ее боролись противоречивые чувства. С одной стороны, жених, оказывается, сам не в восторге от перспективы брака, и она оценила его честность. Владимир Всеволодович не пытался изобразить страстную любовь с первого взгляда, не притворялся счастливым.

С другой стороны ничего не изменить в отношении намерений отца. Сколько попыток было ей предпринято? И все не увенчались успехом. Безысходность все больше поглощала ее душу.

— И что же вы предлагаете? — спросила она, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Брак по принуждению? Жизнь в вечном притворстве?

— Нет, — твердо с достоинством ответил Синицын. — Я не собираюсь притворяться, и не собираюсь давить на вас. Вера Петровна, я далек от мысли, что вы должны немедленно проникнуться ко мне теплыми чувствами, ведь мы едва знакомы. Но я обещаю вам вот что: я не стану лишать вас привычной жизни. Ваши балы, приемы, выезды, платья и украшения, разумеется, ваше право распоряжаться своим приданым — все это останется при вас. Я не претендую ни на ваше состояние, ни на вашу свободу. Я лишь прошу... дать мне шанс.

Вера молчала.

Султан под ней нервно переступил с ноги на ногу, и она машинально погладила его по шее. Последняя надежда — та самая, что теплилась в ее сердце после разговора с Плевако, — таяла на глазах. Она-то думала: вот сейчас, в разговоре с глазу на глаз, она найдет в Синицыне союзника, убедит его отказаться от помолвки, они совместно придумают что-нибудь. Но он сам загнан в угол, и он не враг ей. Он такой же заложник обстоятельств, как и она сама.

— Вы понимаете, что это безумие? — наконец произнесла она, и голос ее дрогнул. — Батюшка не просто выдает меня замуж. Он уверен, что вы банкир, владелец Коммерческого банка, он не поверил ни мне, ни Юнкерам, ни самому Господу Богу, даже если тот спустится с небес и скажет: «Петр Сидорович, Владимир Всеволодович — всего лишь клерк».

— Я знаю, — опустил голову Синицын. — И это тревожит меня не меньше, чем вас. Ваш батюшка — человек, чья воля для меня закон, ибо он мой клиент, а я — его служащий. Я не могу пойти против него, но и обманывать его не хочу.

— Однако же обманываете, — с горечью заметила Вера. — Согласившись на эту помолвку, вы поддерживаете его заблуждение.

— Поверьте, сударыня, я пытался объяснить ему еще в первый день, — Владимир Всеволодович вздохнул. — Сказал, что я всего лишь управляющий, что банк принадлежит Юнкерам, что я не владею ничем, кроме скромной квартиры и жалованья. Знаете, что он ответил?

— Что? — Вера подалась вперед.

— «Скромность украшает молодого человека. Но я-то вижу, кто вы есть на самом деле. Вы будущий владелец банка. Просто пока не пришло время это объявить». И знаете, Вера Петровна, — Синицын горько усмехнулся, — на этом я понял, что спорить бесполезно. Ваш отец видит то, что хочет видеть, а я не могу ему перечить.

Вера отвернулась, глядя на березы, чьи белые стволы мелькали в дневном свете. В голове было пусто и гулко, как после удара. Она думала: «Вот и все. Последняя дверь закрылась. Если даже жених не может отказаться, то кто я такая, чтобы противостоять отцу?»

— Вера Петровна, — голос Синицына стал мягче. — Я понимаю, что вам сейчас тяжело. И я не прошу вас полюбить меня. Я прошу лишь об одном: не отвергайте меня с порога. Дайте нам обоим время. Кто знает — быть может, со временем мы найдем общий язык. А если нет... — он сделал паузу, — что ж, тогда мы вместе что-нибудь придумаем.

Вера медленно повернула голову. В его словах не было ни фальши, ни расчета. Только усталая решимость человека, который привык плыть по течению, но при этом не терять головы.

— Вы странный человек, Владимир Всеволодович, — сказала она наконец. — В вас есть что-то... необычное. Не могу понять, что именно.

— Быть может, честность? — предположил он с легкой улыбкой.

— Быть может, — согласилась Вера. — Или глупость. В нашем мире честность и глупость — почти синонимы.

Они рассмеялись — оба негромко, словно сбрасывая напряжение. Султан и Цезарь, почувствовав перемену в настроении седоков, дружно фыркнули и потянулись к траве.

— Знаете, — сказала Вера, — я, пожалуй, не стану вас ненавидеть, по крайней мере, пока.

— Уже прогресс, — отозвался иронично Сеницын.

— Я чувствую себя загнанной в угол, — честно ответила Вера. — Но не вами, обстоятельствами.

Они ехали дальше молча, но это молчание не было тягостным. В нем было что-то похожее на перемирие. Вера впервые за последние дни позволила себе расслабиться.

Когда они вернулись в усадьбу, солнце уже стояло высоко. Петр Сидорович поджидал их на крыльце, сияя, как медный самовар.

— Ну что, наговорились? — осведомился он, потирая руки. — Вера, надеюсь, ты не очень измучила Владимира Всеволодовича своими рассказами о лошадях?

— Отнюдь, — ответил Сеницын, спешиваясь и подавая руку Вере. — Вера Петровна была столь любезна, что показала мне окрестности. Должен признаться, я в восторге. Здесь поистине благодатные места.

— То-то же! — Петр Сидорович просиял. — А я, знаете ли, не сидел без дела. Распорядился насчет обеда. Но прежде... — он сделал многозначительную паузу, и Вера почувствовала, как внутри все сжалось. — Прежде, дорогие мои, я хочу совершить одно дело, которое давно уже следовало совершить.

Он повел рукой в сторону дома, и Вера поняла: сейчас будет то, чего она боялась больше всего.

— Пойдемте в дом, — продолжал отец, — и я благословлю вас обоих. По-настоящему, как полагается, с иконами и молитвой. А то что это за помолвка без благословения? Не людски.

Вера бросила отчаянный взгляд на Сеницына. Тот ответил ей взглядом, в котором читалось то же самое, что она чувствовала сама: смирение перед неизбежным.

«Ну вот и все, — подумала Вера. — Последняя дверь на свободу захлопнулась».

Она поднялась по ступеням, чувствуя, как подгибаются колени. Владимир Всеволодович последовал за ней, и его шаги были твердыми, но Вера заметила, как он незаметно для отца сжал кулаки.

В доме пахло воском и ладаном. В гостиной уже стояли образа, перед которыми теплилась лампада. Петр Сидорович, оказывается, распорядился заранее. Он встал перед иконами, широко перекрестился и поздравил молодых.

— Вера, доченька, подойди. Владимир Всеволодович, голубчик, сюда. Преклоните колени.

Вера почувствовала, как Сеницын взял ее за руку, ладонь была сухой и теплой. Он слегка сжал ее пальцы — то ли в знак поддержки, то ли от волнения.

— Господи Боже наш, — начал Петр Сидорович, и голос его, обычно громкий и раскатистый, стал тихим и торжественным, — благослови рабов Твоих, Веру и Владимира, на путь супружества. Да будет воля Твоя на них. Да будут они едины плотью и духом. Аминь.

— Аминь, — эхом отозвался Сеницын.

Вера молчала. Слезы стояли в горле, но она не позволила им пролиться. Она смотрела на огонек лампы и думала: «Господи, если Ты есть, помоги мне. Не знаю, как, но помоги».

Петр Сидорович обнял их обоих, прижав к своей широкой груди, пропахшей дорогим одеколоном.

— Ну вот, — сказал он, отстраняясь и утирая глаза. — Теперь все по-честному. По-людски. Теперь вы жених и невеста перед Богом и людьми.

Вера взглянула на Владимира Всеволодовича. Тот стоял бледный, но спокойный, и в этот момент она поняла: отступать больше некуда. Помолвка стала свершившимся фактом.

Оставалось только одно — жить дальше. И, быть может, со временем найти в этом что-то хорошее.

Она еще не знала, что судьба готовит ей новые испытания. Но это будет потом, а пока она стояла в гостиной, держа за руку человека, которого почти не знала, и слушала, как отец распоряжается насчет праздничного обеда в честь «официального» события.

«Что ж, — подумала Вера. — По крайней мере, он не злодей, и не глупец. Уже что-то».

И с этой мыслью она позволила себе впервые за последние дни улыбнуться. Пусть и невесело, но искренне.